

Голенко Диана Викторовна

Golenko Diana Viktorovna

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного права и криминологии, Самарский университет
*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara University*
E-mail: golenko.diana@bk.ru

УДК 343

**О ВОПРОСАХ УСТАНОВЛЕНИЯ СУДОМ МОМЕНТА
ОКОНЧАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
*ISSUES OF ESTABLISHMENT BY THE COURT
OF THE MOMENT OF THE END
OF CERTAIN TYPES OF CRIMES***

Аннотация. В статье обосновывается идея о том, что момент окончания определяется не только и не столько законодательной властью, но и судебной властью. При этом и та, и другая имеют возможность перемещать момент окончания по оси развития преступления, изменяя тем самым репрессивный потенциал нормы. В качестве исследовательской задачи автором была определена попытка оценить роль и значение разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в установлении момента окончания отдельных видов преступлений. Автор приходит к выводу, что разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении норм об уголовной ответственности за конкретные преступления, являются своего рода пределами судебского усмотрения при установлении момента окончания преступлений нижестоящими судами. В статье сформулирована рекомендация, согласно которой при толковании момента окончания суд не должен выходить за пределы, определенные законодателем, а также изменять вид конструкции состава преступления.

Abstract. *The article substantiates the idea that the moment of completion is determined not only and not so much by the legislative power, but also by the judicial power. At the same time, both the one and the other have the ability to move the moment of ending along the axis of the development of the*

crime, thereby changing the repressive potential of the norm. As a research task, the author identified an attempt to assess the role and significance of the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in establishing the moment of the end of certain types of crimes. The author concludes that the explanations contained in the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of the norms on criminal liability for specific crimes are a kind of limits of judicial discretion when establishing the moment when the crimes are ended by lower courts. Recommendations were formulated according to which, when interpreting the moment of termination, the court should not go beyond the limits determined by the legislator, and also change the type of structure of the crime.

Ключевые слова: состав преступления, момент окончания преступления, судебское усмотрение.

Keywords: *corpus delicti, moment of the end of the crime, judicial discretion.*

Момент окончания выступает в качестве одной из важных характеристик преступления. От правильного его установления зависит верное применение уголовного закона, определение объема уголовной ответственности, соблюдение прав лица, совершившего преступление. В настоящее время практически каждое постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ) о применении норм об уголовной ответственности за конкретные преступления содержит разъяснения по вопросам установления момента окончания. Однако высший судебный орган порой меняет свои взгляды на определение «финального аккорда» отдельных преступлений, а некоторые разъяснения носят спорный характер. Это порождает дискуссии не только среди научных исследователей, но и практиков.

Следует отметить, что понятие момента окончания преступления неразрывно связано с понятием оконченного преступления [1, с. 107–108]. Законодательная дефиниция оконченного преступления позволяет воссоздать юридическую формулу, согласно которой в отношении различных де-факто по моменту

окончания деяний де-юре действуют единые правила. Так, связывая, например, момент окончания преступления с совершением действий, аналогичных приготовлению к преступлению, законодатель возводит эти действия в ранг оконченого преступления, и за их совершение наказание будет назначаться по общим правилам без ссылки на ст. 66 УК РФ [2, с. 57]. В науке уголовного права обращается внимание на подвижность момента окончания преступления. Так, например, С.Я. Лиховая отмечает, что преступная деятельность проходит этапы, с любым из которых может быть связан момент юридического окончания преступления [3, с. 104]. Однако отметим, что момент окончания может и выходить за границы этих этапов и стадий совершения преступлений. В этом случае законодатель в качестве оконченого преступления может признать постпреступное поведение, а также поведение лиц, не принимавших участие в «основном» преступлении (например, по такому типу сконструированы составы преступлений, признаки которых содержатся в ст.ст. 174, 174.1, 205.6 УК РФ). Н.М. Журавлева обозначает проблему существования в Особенной части уголовного закона «юридических конструкций предшествующих преступлений» [4, с. 236]. М.М. Лапунина пишет о наличии «вторичных преступлений» [5, с. 9].

Перемещая момент окончания по условной оси развития преступной деятельности (преступного поведения), ориентируясь, в том числе, на стадии совершения преступления, но ими не ограничиваясь, законодатель создает различные конструкции составов преступлений (материальные, формальные и др.). Связывая момент окончания преступления с более ранним этапом, законодатель может усилить репрессивный потенциал нормы без изменения санкции статьи. Еще Н.Ф. Кузнецова отмечала, что «перенесение момента окончания преступления на совершение самих действий без наступления вредных последствий ужесточает уголовную ответственность» [6, с. 163, 166].

Однако не только законодатель, но и судебная власть может предлагать различные варианты определения момента оконча-

ния преступления. Это обусловлено особенностями законодательной техники. В уголовном кодексе законодатель, обозначая признаки состава преступления, во-первых, указывает на деяние и (или) последствия, которые имеют протяженность во времени, нередко использует отлагательные существительные, предполагающие длящийся акт (процесс), во-вторых, некоторые составы преступлений могут включать в себя несколько обязательных действий (бездействий), последствий. Это обуславливает вариативность в определении момента окончания преступления со стороны правоприменителя. В этой связи нельзя согласиться с теми исследователями, которые пишут о том, что момент окончания каждого конкретного преступления определен в статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [7, с. 58]. Законодатель определяет общие рамки, пределы, в которых судебная власть устанавливает момент окончания преступления. При этом суд может момент окончания связывать с моментом начала исполнения противоправного действия, частичного его осуществления или полного выполнения [2, с. 71]. Таким образом, установление момента окончания теснейшим образом связано с судебским усмотрением.

Суд в пределах, заданных законодателем, определяет, является ли преступление оконченным. Справедливо было отмечено, что «установление момента окончания преступления – одна из гарантий соблюдения принципа законности в процессе квалификации преступлений» [8, с. 8]. Как отмечалось ранее, Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях дает разъяснения по установлению момента окончания преступлений. А.В. Наумов верно утверждает, что постановления Пленума Верховного Суда РФ в таких условиях приобретают роль «образца квалифицированного решения сложных проблем уголовного закона и убедительной аргументации» [9, с. 144–145]. Разъяснения высшего судебного органа являются условным пределом судебного усмотрения в установлении момента окончания преступления для нижестоящих судов. Они служат ориенти-

ром и способствуют единообразию судебной практики. Однако сложившаяся ситуация непротиворечива, что подтверждается на примере установления судами момента окончания отдельных видов преступлений.

Так, Верховный Суд РФ порой меняет свой взгляд на определение момента окончания некоторых видов преступлений. Примером могут служить разъяснения, касающиеся момента окончания преступления, ответственность за которое определена в ст. 150 УК РФ. В постановлении от 12 сентября 1969 г. № 8 суд рекомендовал связывать момент окончания вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с подготовительными действиями, подстрекательством подростка, совершением действий по привлечению его в качестве соисполнителя или пособника. При этом не имело значения, стал ли подросток участвовать в совершении преступления или нет. Спустя семь лет суд изменил свое видение момента окончания рассматриваемого преступления. Согласно постановлению от 3 декабря 1976 г. № 16, вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность считалось окончанным с момента участия подростка в совершении преступления. Такая позиция суда сохранялась до 2000 г. В постановлении от 14 февраля 2000 г. № 7 суд обозначил позицию близкую той, что была в 1969 г., а именно, лицо несло уголовную ответственность за само возбуждение в подростке желания (намерения) совершить преступление. В действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 150 УК, считается окончанным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление. В последнем случае судебная власть возвращается к позиции, отраженной в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. № 16 [2, с. 175]. Обратим внимание, что законодатель не изменял нормативное содержание преступного деяния. Изменялась только позиция суда. Судебная власть, действительно, может более оперативно реагировать на динамично развива-

ющиеся отношения и пересматривать позиции относительно момента окончания преступлений. Однако в рассматриваемом случае вряд ли можно вести речь о существенном изменении в регулировании отношений. Последствием различного толкования момента окончания может быть усиление или смягчение репрессивного потенциала нормы без изменения закона, т.е. реализация той или иной модели уголовной политики через правоприменение. Недостаток стабильности судебных позиций о моменте окончания рассматриваемого преступления означает отсутствие единообразия правоприменительной практики, а также влечет непонимание судьями и другими правоприменителями того, почему меняются правила определения преступления оконченным.

Второй аспект, на который обратим внимание, связан с толкованием момента окончания преступлений, при конструировании составов которых законодатель использует одинаковую терминологию (вовлечение, хищение, производство и т.д.).

В одних случаях Верховный Суд РФ в своих постановлениях дает различное толкование момента окончания преступлений, находящихся в разных разделах (главах) Особенной части УК РФ. Примером может служить понимание момента окончания хищения имущества и хищения оружия. Применительно, например, к таким хищениям как кража и грабеж Верховный Суд РФ в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 разъясняет, что оконченным преступление будет признаваться, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению. Согласно постановлению от 12 марта 2002 г. № 2 оконченным хищение оружия признается с момента завладения с намерением присвоить либо передать его другому лицу, а равно распорядиться им по своему усмотрению иным образом. То есть во втором случае момент окончания перемещен на более ранний этап. Тем не менее, в судебной практике можно встретить случаи, когда обоснование того, что хищение оружия является оконченным преступлением, происходит аналогично окончен-

ному хищению чужого имущества. Например, в официально опубликованном примере из судебной практики, где лицо похитило ружье и сделало обрез, хранило его в своих вещах до момента совершения убийства, суд обосновал, что преступление следует признавать оконченным, поскольку действия лица «свидетельствуют о реализации К. возможности распорядиться похищенным (оружием) по своему усмотрению» [10].

В других случаях отсутствуют разъяснения по моменту окончания некоторых преступлений. Например, Верховный Суд РФ дает разъяснения по моменту окончания вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, но официально не определяет момент окончания вовлечения в занятие проституцией. Возникает закономерный вопрос о том, следует ли толковать момент окончания этих преступлений единообразно. Полагаем, что если законодатель для конструирования объективной стороны использует одни и те же термины, то и момент окончания преступления должен, по возможности, судебной властью толковаться единообразно. Иной подход может породить ситуацию правовой неопределенности.

Третий аспект заключается в том, что Верховный Суд РФ при толковании момента окончания не должен изменять конструкцию состава преступления. Для современного правоприменителя характерно перемещение момента окончания на более ранний этап развития преступной деятельности. В результате те действия, которые могли бы рассматриваться как приготовление или покушение на совершение преступления, трансформируются на практике в оконченное преступление. Так, в постановлении от 24 декабря 2019 г. № 59 указано, что получение и дача взятки будут признаваться оконченными преступлениями «в случае, когда согласно предварительной договоренности взяткодатель помещает ценности в условленное место, к которому у взяткополучателя имеется доступ либо доступ обеспечивается взяткодателем или иным лицом после помещения ценностей». Из приведенного разъяснения следует, что момент окончания может быть связан с действиями, кото-

рые еще не привели к получению хотя бы части взятки. Кроме того, под толкование подпадают и приготовительные действия к получению и даче взятки. В данном случае можно предположить, что судебной властью допускается рассмотрение получения и дачи взятки через призму конструкции усеченного состава, т.е. под сомнением соблюдение пределов судейского усмотрения при установлении момента окончания преступления. Получается, что суд вносит изменения в конструкцию состава преступления. Однако конструирование составов преступления – исключительно законодательная прерогатива. Также, например, на более ранний этап перемещен момент окончания посредничества во взяточничестве. Согласно названному постановлению, посредничество во взяточничестве признается оконченным и в момент, когда лицо способствовало достижению или реализации соглашения между взяткодателем и взятополучателем, независимо от того, удалось ли последним достигнуть соглашения. Также, например, под оконченное преступление – организация незаконной миграции, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, подпадают приготовительные действия. В постановлении от 9 июля 2020 г. № 18 указано, что «организация незаконной миграции квалифицируется как оконченное преступление с момента умышленного создания виновным лицом условий для осуществления иностранными гражданами или лицами без гражданства хотя бы одного из незаконных действий, перечисленных в указанной статье, независимо от того, совершены ими такие действия или нет». В приведенных примерах момент окончания определен судебной властью исходя из уголовной политики государства, направленной на пресечение названных правонарушений на самых ранних этапах преступного деяния. Однако при толковании момента окончания судебная власть не должна изменять конструкций составов преступлений.

В качестве еще одного аспекта следует назвать толкование момента окончания преступлений, признаки состава которых описаны в простой диспозиции статьи уголовного закона.

В качестве примера можно привести состав похищения человека. Законодатель подробно не описывает признаки объективной стороны названного преступления. В доктрине уголовного права высказаны различные мнения относительно содержания действий, входящих в объективную сторону состава похищения, а, следовательно, и момента окончания. Л.В. Иногамова-Хегай полагает, что обязательными признаками объективной стороны похищения человека являются захват (завладение) лица и его перемещение [11, с. 65]. Г.Н. Борзенков также указывал, что похищение включает в себя захват и перемещение. По мнению этого автора, преступление считается оконченным с момента захвата и начала перемещения [8, с. 347]. По мнению Т.В. Кленовой, для оконченого похищения необходимо выполнить не только захват, перемещение, но и удержание [12, с. 528]. А.В. Иванчин пишет о том, что похищение человека следует считать оконченным, когда «человек изъят, т.е. реально лишен свободы» [13, с. 196]. Столь различные понимания момента окончания преступления объясняются тем, что законодатель не раскрыл признаки объективной стороны в самой статье. Верховный Суд РФ неоднократно озвучивал позицию судебной власти, согласно которой объективная сторона похищения состоит в совершении лицом противоправных действий, сопряженных с тайным или открытым завладением (захватом) человека, перемещением с места его постоянного или временного пребывания с последующим удержанием против его воли в другом месте [14, с. 10; 15]. Вместе с тем в постановлении от 24 декабря 2019 г. № 58 судебная власть разъяснила, что похищение человека считается оконченным преступлением с момента захвата и начала его перемещения. Иной момент указан для случаев, когда перемещение было осуществлено самим потерпевшим. В последней ситуации преступление признается оконченным с момента захвата данного лица и начала принудительного перемещения либо начала его удержания, если лицо более не перемещалось. Полагаем, что разъяснения высшего судебного органа внесут определенное единообразие в судебную

практику, но не завершат дискуссии по этому вопросу. В данном случае более оптимальным решением было бы изменение диспозиции ст. 126 УК РФ на описательную, где раскрывалось бы содержание признаков состава похищения человека.

Можно заключить, что момент окончания преступлений разъясняется в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Чтобы такого рода разъяснения служили реальным ориентиром для судей и других правоприменителей, содействовали единообразию практики применения уголовного закона и соблюдению прав и свобод человека и гражданина, рекомендуется: заботиться о стабильности судебных позиций, если не изменились общественные отношения; стараться соблюдать общий подход при установлении момента окончания преступлений, при конструировании составов которых законодатель использует одинаковую терминологию; не допускать выход за пределы, заданные законодателем, а также определение вида конструкции состава преступления по судебскому усмотрению.

1. Иванчина, С.А. Оконченное преступление: монография / С.А. Иванчина. – Москва: Юрлитинформ, 2013. – 192 с.

2. Решетникова, Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дисс. ... канд. юрид. наук / Д.В. Решетникова. – Самара, 2012. – 232 с.

3. Лиховая, С.Я. Учение о формальных составах преступлений в трудах Н.Ф. Кузнецовой / С.Я. Лиховая // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию; материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 года). – Москва: Проспект, 2011. – С. 103–106.

4. Журавлева, Н.М. Предшествующее преступление как криминообразующий признак в составах легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем / Н.М. Журавлева // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт: материалы второго совместного российско-германского круглого стола. – Москва: Проспект, 2012. – С. 233–237.

5. Лапунин, М.М. Вторичная преступная деятельность и ее криминализация: автореф. ... канд. юрид. наук / М.М. Лапунин. – Саратов, 2006. – 26 с.

6. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова; науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. – Москва: Городец, 2007. – 336 с.

7. Энциклопедия уголовного права. Т. 5. Неоконченное преступление. – Санкт-Петербург: Издание профессора Малинина, 2006. – 520 с.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. – 5-е изд., доп. и испр. – Москва: Юрайт, 2005. – 921 с.

9. Наумов, А.В. Российское уголовное право: Курс лекций. В 2 томах. Т. 1 / А.В. Наумов. – Общая часть: 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юридическая литература, 2004. – 495 с.

10. Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 2010. – № 12. – URL: <http://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 20.08.2020).

11. Уголовное право Российской Федерации: В 2 томах Т. 2: Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – Москва: ИНФРА-М, 2002. – 800 с.

12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. – Москва: Проспект, 2019. – 1349 с.

13. Иванчин, А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / А.В. Иванчин. – Москва: Проспект, 2020. – 352 с.

14. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 3. – С. 16–17; Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 1. – С. 10.

15. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 2. – URL: <http://www.suprcourt.ru> (дата обращения: 20.08.2020 г.).